

Андрей Букрин

Просто Норма

Андрей Букрин
Просто Норма

«Автор»

2026

Букрин А.

Просто Норма / А. Букрин — «Автор», 2026

Что, если главная трагедия Голливуда XX века была лишь гениальной мистификацией? В августе 1962 года мир замер в трауре: секс-символ эпохи, блистательная Мэрилин Монро, найдена мертвой. Газеты кричат о самоубийстве, спецслужбы спешно заматают следы, а миллионы фанатов оплакивают вечно молодую диву. Но никто не знает, что в этот самый момент по пыльной дороге Невады едет старый серый фургон. За рулем — Эндрю, неприметный писатель из Нью-Йорка, ставший для неё единственным якорем в океане фальши. А рядом с ним на пассажирском сиденье спит женщина без грима, с каштановыми волосами и легкой улыбкой облегчения. Это история о Норме Джин. О девушке, которая встретила своего ангела-хранителя в дождливом кафе Гринвич-Виллидж еще до съемок «В джазе только девушки». О женщине, которая нашла в себе смелость убить экранную иллюзию ради того, чтобы просто жить, любить и дышать. Трогательный и глубокий рассказ в жанре альтернативной истории.

© Букрин А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Букрин

Просто Норма

Первая встреча: Норма и Эндрю (Нью-Йорк, 1955 год)

Дождь смывал с Таймс-сквер неоновые отражения. В маленьком полуподвальном кафе на окраине Гринвич-Виллидж пахло пережаренным кофе, корицей и старой бумагой. Заведение держал пожилой итальянец, который не читал газет и ненавидел радио. Именно поэтому Эндрю любил здесь писать.

Эндрю сидел за угловым столиком. На его блокноте лежала раскрытая книга Томаса Вулфа, а рядом остывала третья чашка эспрессо. Как писатель, он привык наблюдать за людьми, вылавливая из толпы скрытые сюжеты. Но женщина, вошедшая в кафе полчаса назад, ломала все его маркеры.

Она сидела у окна, укутавшись в безразмерный, явно чужой мужской свитер крупной вязки. Огромные темные очки закрывали половину лица, а на голову был небрежно повязан простой платок. Она долго грела пальцы о кружку с чаем, глядя на то, как капли стекают по стеклу.

Для любого обывателя это была просто продрогшая девушка. Но Эндрю, обладавший почти болезненной чуткостью к чужому состоянию, видел другое. От нее исходило тяжелое, осязаемое одиночество — такое глубокое, что оно казалось физической стеной между ней и остальным залом. И еще — жуткая, изнуряющая усталость. Так выглядят люди, которые долго бежали, и у них больше нет сил делать даже шаг.

В какой-то момент ее рука дрогнула. Чайная ложка со звоном упала на каменный пол и покатилась прямо к ботинкам Эндрю.

Она вздрогнула, словно от выстрела, и инстинктивно вжала голову в плечи, будто ожидая, что сейчас на нее набросятся.

Эндрю спокойно наклонился, поднял ложку и подошел к ее столику.

— Вы уронили, — тихо сказал он, стараясь, чтобы голос звучал максимально буднично и мягко. — Принести вам чистую?

— О... нет, спасибо, не нужно, — прошептала она.

Голос был приглушенным, с легким придыханием, но в нем промелькнула музыка, которую Эндрю где-то слышал. Женщина чуть приподняла голову, и очки немного сползли на кончик носа. На секунду он увидел ее глаза — огромные, незащитные, полные такой детской ранимости, которая никак не вязалась с ее подчеркнуто скрытным видом.

В этот момент Эндрю всё понял. Под платком прятались платиновые локоны. Перед ним сидела Мэрилин Монро. Женщина, чьи плакаты украшали стены казарм и спален по всей стране. Самая желанная женщина мира.

Но Эндрю не замер в шоке. Писатель внутри него победил фаната. Он увидел не кинодиву. Он увидел испуганную девушку, которая забилась в угол кофейни, чтобы просто побыть живой. Настоящей.

— Знаете, — Эндрю аккуратно положил грязную ложку на салфетку и указал на пустой стул напротив. — Мой персонаж в новой главе сейчас чувствует себя точно так же. Будто если он снимет маску, мир вокруг просто рассыплется, потому что все любят маску, а не его. Можно я присяду? Обещаю молчать, если хотите.

Она удивленно замерла. Никакого панибратства. Никакого блеска в глазах при виде звезды.

— Вы... пишете книги? — спросила она, и в ее голосе вместо страха появилось робкое любопытство.

— Пытаюсь, — улыбнулся Эндрю, садясь напротив. — Меня зовут Эндрю.

Она помолчала, всматриваясь в его лицо через темные стекла, словно проверяя, нет ли подвоха. Убедившись, что этот парень видит в ней человека, а не заголовки таблоидов, она медленно сняла очки. На лице не было ни грамма грима, вокруг глаз залегли бледные тени, но она улыбнулась — искренне, без голливудского глянца.

— А я Норма, — тихо сказала она, протягивая ему тонкую руку. — Просто Норма.

Между ними протянулась та самая редкая, необъяснимая духовная нить. Эндрю не собирався расспрашивать ее о Голливуде, контрактах и режиссерах. Они заговорили о стихах Уитмена, о том, как пахнет Нью-Йорк после грозы, и о том, как страшно бывает проснуться в комнате, где тебя никто не ждет. В это дождливое утро в грязном кафе Мэрилин Монро перестала существовать. Осталась только Норма Джин — и парень, который наконец-то ее услышал.

Улица встретила их прохладой и все тем же упрямым, мелким нью-йоркским дождем, но Норма даже не подумала натянуть платок обратно на лоб. Она шла рядом с Эндрю, подставив лицо сырому воздуху, и впервые за долгое время дышала полной грудью.

Они гуляли всю ночь. Гринвич-Виллидж сменялся полупустыми улочками Сохо, затем они вышли к набережной Гудзона, где вода казалась черным жидким стеклом. Они не ловили такси, не смотрели на часы и никуда не спешили.

Их разговор тек сам собой, ломая все привычные социальные барьеры:

Они говорили обо всем: Эндрю рассказывал сюжеты своих ненаписанных книг, а Норма делилась воспоминаниями о детстве, о сиротских приютах и о том, как сильно она боится темноты.

Они молчали: И это молчание не было тягостным или неловким. Они могли пройти два квартала, просто слушая стук своих шагов по мокрому асфальту и редкие гудки паровозов на реке. Это было безопасное, исцеляющее молчание, в котором Норме не нужно было «держать лицо» или улыбаться своей фирменной сияющей улыбкой.

Эндрю ни разу не упомянул Голливуд, киностудию *20th Century Fox* или ее громкие замужества. Для него она была умной, начитанной и бесконечно хрупкой девушкой, которая запуталась в собственной жизни. Чуткость писателя позволяла ему угадывать ее мысли до того, как она облекала их в слова.

Когда небо над Ист-Ривер начало окрашиваться в грязно-розовый цвет рассвета, они остановились у крыльца ее отеля. Норма повернулась к Эндрю. На ее бледном лице, умытом дождем, не было и следа от экранной богини, но глаза светились.

Эта одна ночь дала Норме больше чистой, настоящей энергии для жизни, чем все то, что она получала до этого: вся суррогатная любовь миллионов фанатов, миллионные контракты, бриллианты и вспышки фотокамер. Вспышки давали только холодный блеск, а Эндрю дал ей внутреннее тепло и ощущение того, что она имеет право существовать — просто как Норма Джин.

— Я думала, что полностью пуста, — тихо сказала она, глядя ему в глаза. — Оказывается, нет. Спасибо тебе.

Они обменялись номерами телефонов. Эндрю записал свой рабочий номер на клочке салфетки из того самого кафе. Норма бережно спрятала его в карман свитера, зная, что этот клочок бумаги — ее главный спасательный круг в наступающем дне.

На съемочной площадке «В джазе только девушки» (Калифорния, Коронадо, 1958 год)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.